

Генеральная Ассамблея

Шестдесят восьмая сессия

Официальные отчеты

Distr.: General
13 November 2013
Russian
Original: English

Шестой комитет

Краткий отчет о 19-м заседании,

состоявшемся в Центральном учреждении, Нью-Йорк, в среду, 30 октября 2013 года, в 10 ч. 00 м.

Временный Председатель: Кохона . . . . . (Шри-Ланка)

Содержание

Пункт 81 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей и шестьдесят пятой сессий (*продолжение*)

Пункт 110 повестки дня: Меры по ликвидации международного терроризма (*продолжение*)

В настоящий отчет могут вноситься поправки. Поправки должны направляться в кратчайшие возможные сроки за подписью одного из членов соответствующей делегации на имя начальника Группы контроля за документацией (srcorrections@un.org) и вноситься в один из экземпляров отчета.

Отчеты с внесенными в них поправками будут переизданы в электронной форме и размещены в Системе официальной документации Организации Объединенных Наций (<http://documents.un.org/>).

Заседание открывается в 10 ч. 05 м.

Пункт 81 повестки дня: Доклад Комиссии международного права о работе ее шестьдесят третьей и шестьдесят пятой сессий (продолжение) (A/66/10, A/66/10/Add.1 и A/68/10)

1. **Г-н Тиритикко** (Италия), упоминая о теме «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», говорит, что делегация Италии поддерживает решение Комиссии ограничить сферу охвата исходного исследования по теме «Договоры сквозь призму времени» обсуждением последующих соглашений и последующей практики в связи с толкованием договоров. Это решение позволит обеспечить более сконцентрированный и эффективный подход к рассмотрению одного из наиболее важных вопросов, касающихся права международных договоров. В целом проект пяти замечаний, принятых Комиссией в предварительном порядке, как представляется, соответствует общей цели в отношении предоставления достаточного нормативного контента, при этом обеспечивая сохранение гибкости, присущей концепции последующей практики. Этот подход со всей очевидностью представлен в проекте вывода 1 (Общее правило и средства толкования договоров), безошибочно отражающем двойственную роль, которую может играть последующая практика как одно из аутентичных средств толкования в соответствии с общим правилом, закрепленным в пунктах 3(а) и (b) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров, и в качестве дополнительного средства толкования в соответствии с правилом, установленным в статье 32. В пункте 5 проекта вывода справедливо указывается, что толкование договора представляет собой «одну объединенную операцию», как это отмечалось Комиссией в travaux préparatoires по статьям 31 и 32 Венской конвенции, что впоследствии было подтверждено в докладе Комиссии за 2006 год о фрагментации международного права (A/CN.4/L.682 и Corr. 1).

2. Делегация страны оратора поддерживает то, что в проекте вывода 2 (Последующие соглашения и последующая практика в качестве аутентичных средств толкования) делается акцент на объективном характере последующих соглашений и последующей практики как доказательства того, как участники понимают значение договора. Квалификация последующих соглашений и последующей практики как аутентичных средств толкования, судя по

всему, служит надлежащим дополнением к содержанию пунктов 3(а) и (b) статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров. Проект вывода 3 (Толкование терминов договора как способных менять свое значение с течением времени), как представляется, надлежащим образом отражает подход к этому вопросу, авторитетно разработанный в правоприменительной практике Международного Суда, в частности в его принятом в 2009 году решении по делу *Спор касающийся судорожных и смежных прав (Коста-Рика против Никарагуа)*. Как представляется, определения последующих соглашений и последующей практики, данные в проекте вывода 4, точно сформулированы и соответствуют общему подходу Комиссии к этой теме.

3. Проект вывода 5 (Присвоение последующей практики) касается деликатных вопросов о присвоении последующей практики, соответствующей целям толкования договора и определения субъектов, поведение которых представляет собой последующую практику. Что касается присвоения практики, то, хотя в комментарии дается правильное разъяснение в связи с тем, что формулировка "поведение, которое может быть присвоено" взята из статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, у кого-то могут возникнуть вопросы относительно применения в полном объеме принципов присвоения в соответствии с законом об ответственности государств к присвоению поведения, соответствующего толкованию договора. Что касается определения субъектов, поведение которых может соответствовать последующей практике, то остается неясным, попадает ли в сферу действия проекта вывода такой важный вопрос, как институциональная практика — то есть коллективное поведение органов международных организаций — и ее воздействие на толкование учредительных договоров этих международных организаций.

4. В комментарии по этому вопросу говорится, что заявления или поведение субъектов, таких как международные организации, могут отражать или инициировать соответствующую последующую практику применения сторонами договора, но не должны объединяться с этой практикой. Таким образом, такие заявления или поведение, по сути, не могут считаться последующей практикой по смыслу статей 31 и 32 Венской конвенции, а могут только

служить для целей оценки последующей практики применения сторонами договора. Вместе с тем в связи с этим следует упомянуть, что в отношении дела *Тадича* Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии пришел к заключению, что установившаяся в Совете Безопасности практика рассмотрения внутренних вооруженных конфликтов как угрозы миру отражает «общее понимание членами Организации Объединенных Наций вообще», проявившееся в «последующей практике» членов Организации Объединенных Наций в целом. Делегация Италии считает, что этот вопрос заслуживает дальнейшего рассмотрения в ходе последующей работы Комиссии, в частности с точки зрения возможной взаимосвязи между этой темой и вопросом о формировании и доказательстве существования международного обычного права в качестве последующей практики для целей толкования договоров, которые могут послужить основой для разработки общих правил в отношении изменения или аннулирования договорных правил, имеющих одинаковый контент.

5. Что касается вопроса об иммунитете должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции, то в проекте статьи 1 и сопровождающем ее комментарии упоминается о ряде важных концепций, заслуживающих дальнейшего рассмотрения на более позднем этапе, в частности относительно должностных лиц государства, которые будут пользоваться иммунитетом и, таким образом, освобождаться от уголовной юрисдикции с точки зрения охвата иммунитета. В комментарии также подчеркивается, что Комиссия приняла решение ограничиться в проектах статей иммунитетом от иностранной уголовной юрисдикции, то есть уголовной юрисдикции другого государства. Таким образом, текущее обсуждение этой темы не будет касаться процедур рассмотрения дел международными уголовными трибуналами, в то время как субъект иммунитета в надлежащем порядке будет подпадать под юрисдикцию так называемых смешанных или интернационализованных уголовных трибуналов.

6. В связи с этим оратор хотел бы подчеркнуть важную роль, которую играют в современном международном правовом порядке такие судебные инстанции, как Международный уголовный суд и другие международные уголовные трибуналы, с точки зрения предотвращения и вынесения наказания за тяжкие международные преступления. Вопрос об

иммунитете и связанных с ним исключениях в контексте этих институтов решается в соответствии со специальной нормативной базой, например положениями статьи 27 Римского статута Международного уголовного суда, как об этом свидетельствует решение Международного Суда по делу *Ордер на арест от 11 апреля 2000 года (Демократическая Республика Конго против Бельгии)*. Значительная часть появившейся правоприменительной практики, касающейся нерелевантности должностного положения, занимаемого лицами, совершившими наиболее тяжкие преступления, как представляется, служит доказательством более общей консолидации этого принципа, который следует принимать во внимание в применении национальной юрисдикции. В соответствии с этим в своей будущей работе Комиссии необходимо учитывать общее развитие международной практики с точки зрения влияния характера преступления на решение вопроса о предоставлении иммунитета.

7. Делегация страны оратора согласна с мнением о том, что иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции носит процессуальный характер и не освобождает заинтересованное лицо от применения действующих материально-правовых норм уголовного права. Другими словами, личная ответственность за нарушение материально-правовых норм уголовного права остается неизменной, даже если государство не может применить юрисдикцию в отношении конкретного деяния из-за наличия иммунитета, которым пользуется должностное лицо другого государства. Международный Суд неоднократно подтверждал действие этого принципа в отношении иммунитета иностранных должностных лиц и иммунитета государства.

8. Делегация Италии также поддерживает подход Комиссии к пункту 2 проекта статьи 1, в котором учитывается существование нескольких систем специальных правил, применяемых в отношении определенных категорий лиц, наиболее яркими примерами которых могут служить Венская конвенция о дипломатических сношениях и Венская конвенция о консульских сношениях. Однако что касается режима юрисдикционного иммунитета вооруженных сил, то, хотя предоставление иммунитета, предусмотренного специальными правилами, особенно правилами, содержащимися в соглашениях о статусе сил, получило всеобщее признание в международной практике, делегация страны оратора

ра исходит из понимания того, что такие режимы не исчерпываются случаями, в которых вооруженные силы государства пользуются иммунитетом от иностранной уголовной юрисдикции в связи с действиями, которые они осуществляют в рамках исполнения своего мандата. Оратор уверен в том, что в надлежащее время Комиссия займется всесторонним рассмотрением вопроса об иммунитете вооруженных сил.

9. Что касается проекта статьи 3, то делегация Италии согласна с тем, что главы государств, главы правительств и министры иностранных дел пользуются иммунитетом *ratione personae* от иностранной уголовной юрисдикции, хотя и здесь могут быть исключения в случае совершения тяжких международных преступлений. Делегация страны оратора также разделяет мнение Комиссии об отсутствии в международной и национальной юриспруденции достаточной практики в области сферы применения иммунитета *ratione personae* в отношении других высокопоставленных должностных лиц без ущерба для возможного применения правил, касающихся иммунитета *ratione materiae*. В соответствии с проектом статьи 4, как представляется делегации Италии, иммунитет будет применяться в отношении деяний, совершенных до начала срока полномочий должностного лица, только в тех случаях, если во время пребывания данного чиновника в должности применяется уголовная юрисдикция третьего государства.

10. Обращая внимание на программу работы Комиссии, оратор говорит, что работу по теме «Охрана атмосферы» следует проводить в ограниченных пределах, избегая вмешательства в проходящие политические переговоры или существующие договорные режимы по данному предмету. Итогом этой работы должна стать разработка проекта руководящих указаний, а не имеющих обязательную юридическую силу норм. Что касается темы «Преступления против человечности», то документ, подготовленный профессором Шоном Д. Мерфи и содержащийся в приложении к докладу Комиссии (A/68/10, приложение В), мог бы послужить прочной основой для будущей дискуссии. В заключение делегация страны оратора выражает глубокую признательность Комиссии за ту важность, которую она придает в своем докладе резолюции 67/97 Генеральной Ассамблеи о верховенстве права на национальном и международном уровнях, Декларации совещания на

высоком уровне по этой теме, и за ту роль, которую Комиссия призвана играть в продвижении верховенства права, которое, как отмечается в докладе, является смыслом существования и работы Комиссии в целях прогрессивного развития и кодификации международного права.

11. **Г-н Саркович** (Польша), указывая на то, что толкование договоров является текущей задачей не только судов и трибуналов, но и правительственных должностных лиц, говорит, что делегация его страны полностью поддерживает усилия Комиссии в работе по теме "Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров" и надеется, что их результатом станет разработка практических и полезных руководящих указаний, основанных на общепризнанной практике. Однако в докладе Специального докладчика (A/CN.4/660) основное внимание сосредоточено исключительно на решениях, принятых международными органами, и, хотя количество приведенных примеров решений впечатляет, такой подход представляется недостаточным, поскольку в нем не учитываются решения национальных судов. В связи с этим уместно вспомнить о том, что при рассмотрении нескольких дел Международный Суд подробно ссылался на решения национальных судов, например в деле *Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии: вступление в дело Греции)*.

12. Делегация Польши приветствует принятие Комиссией проекта пяти выводов и поддерживает ее концепцию о внесении их в общие рамки Венской конвенции о праве международных договоров. Делегация также поддерживает проект вывода 1 как выражение единого подхода к процессу толкования, который в соответствии с Венской конвенцией исключает какую-либо категоризацию договоров с целью их толкования. Вместе с тем, хотя делегация согласна — по форме — с тем, что не каждое соглашение является договором, ей трудно согласиться — по содержанию — с тем, что последующее соглашение между сторонами в связи с толкованием договора или применения его положений может не иметь обязательную силу. Международный трибунал, например, может считать такие соглашения неокончательными, но трудно считать их юридически необязательными для исполнения заключившими их государствами. Что касается пункта 3 проекта вывода 4, то делегация страны оратора предложила бы использовать формулировку «из поведения од-

ного или некоторых участников», чтобы это положение не было истолковано как практика, применяемая в отношении всех сторон.

13. Тема «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» касается самой сути международного права. Она не только включает два основных понятия юрисдикции и иммунитета, но и связана с ключевыми правилами и нормами международного публичного права. В связи с этим вряд ли можно преувеличить важность работы Комиссии и Специального докладчика по этой теме. Делегация Польши дает высокую оценку усилиям Специального докладчика дать определение понятия «уголовная юрисдикция». Однако предлагаемое определение может оказаться как слишком узким, так и слишком широким. Например, в некоторых государствах закон в отношении менее тяжких преступлений применяется не судами, а другими органами. До последнего времени такое положение существовало в Польше. В таких случаях использование в определении ссылки на суды может приводить к тому, что некоторые уголовные процессы будут оставаться вне сферы применения иммунитета. Кроме того, существуют штрафные санкции неуголовного характера, которые применяются судами. Несомненно, определение термина заслуживает внимания в дальнейшей работе Комиссии по этой теме.

14. Что касается усилий в связи с определением сферы применения иммунитета *ratione personae*, то делегация страны оратора выскажет свое определенное мнение по этому вопросу после того, как пройдет обсуждение двух типов иммунитета — *ratione personae* и *ratione materiae*. В сущности они взаимосвязаны, и эта взаимосвязь определяет меры правовой защиты, предоставляемой иностранным должностным лицам конкретного государства в других государствах. Необходимо также учитывать связь между иммунитетами иностранных должностных лиц и иммунитетом государств. Слишком узкое определение сферы применения иммунитета *ratione personae* может нарушать иммунитет государств и препятствовать сотрудничеству между государствами.

15. Делегация Польши понимает и поддерживает точку зрения Специального докладчика, что не каждое должностное лицо государства имеет право на иммунитет *ratione personae*, но считает, что вопрос о применении иммунитета исключительно в отно-

шении глав государств, глав правительств и министров иностранных дел требует проведения дальнейшего анализа. Чтобы найти удовлетворительный ответ на этот принципиально важный вопрос, было бы целесообразно провести обзор практики в сфере применения обычного права. Делегация страны оратора поддерживает стремление Специального докладчика сосредоточить внимание на определении позитивных норм международного обычного права, в частности норм, касающихся применения иммунитетов, и действительно, эти нормы иммунитета были разработаны в течение многолетней практики. Что касается иных категорий должностных лиц, помимо трех категорий, упомянутых в проекте статьи 3, то для них важно не только отсутствие судебных решений о том, к какой категории лиц применяется иммунитет, но и решений, касающихся отказа в предоставлении иммунитета. Само собой разумеется, что в свете последних событий необходимо учитывать эти решения и мнения.

16. Что касается других решений и выводов Комиссии, то делегация Польши поддерживает решение об изменении акцента в работе по теме «Обязательство выдавать или осуществлять судебные преследования (*aut dedere aut judicare*)» и о переходе к рассмотрению областей, которые до сих пор не были охвачены этим обязательством, таких как преступления против человечности, военные преступления, помимо серьезных нарушений и военных преступлений, совершаемых во время вооруженных конфликтов, не носящих международный характер.

17. **Г-жа Чадха** (Индия), касаясь темы «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», говорит, что делегация ее страны согласна с тем, что правила, изложенные в статьях 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров, отражают положения международного обычного права. Последующую практику, которая является аутентичным средством толкования, можно учитывать при толковании используемых терминов и положений договора, но ее нельзя считать безусловной и юридически обязательной для исполнения до тех пор, пока не согласована сторонами. Делегация Индии разделяет мнение Комиссии о том, что последующие соглашения между сторонами о толковании договора или применении его положений *ipso facto* влияли на определение аутентичных мер толкования договора, в то время как последующая практика имела такие по-

следствия только в том случае, если между сторонами было достигнуто общее понимание в отношении значения терминов.

18. В то же время эволюционное толкование договора нельзя рассматривать исключительно как вопрос о предполагаемом намерении сторон, если не принято четкое решение об установлении сторонами такого толкования, особенно если речь идет о договорах, в которых определены специальные права каждой стороны, и если такое толкование может привести к нарушению основных прав одной из сторон. Таким образом, делегация страны оратора считает, что в характере договора могут учитываться требования, необходимые для того, чтобы решить, какие определенные средства толкования считать более или менее существенными.

19. Что касается темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», то делегация Индии согласна с точкой зрения Комиссии, изложенной в пункте 10 комментария к проекту статьи 1, о том, что иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции для лиц, занимающихся деятельностью в конкретных областях международных отношений, регламентируется специальными нормами договорного и обычного права. Комиссия не приняла решение о включении прямой ссылки на международные конвенции и инструменты, но определение режимов, при которых действуют специальные нормы, могло бы способствовать более четкому пониманию характера и сферы применения иммунитета. Делегация также не хотела бы поощрять одностороннее расширение сферы применения иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции за пределы содержания договоров и обычаев.

20. Что касается иммунитета *ratione personae*, то не считается общепризнанным тот факт, что главы государств, главы правительств и министры иностранных дел обладают правом на иммунитет от уголовной юрисдикции иностранных государств в силу своей функциональной необходимости и своих полномочий как представителей государства за границей. Если будут применяться эти критерии, то некоторые другие категории высокопоставленных должностных лиц можно также считать должностными лицами государства, заслуживающими иммунитет от уголовной юрисдикции иностранных государств, в частности министров обороны или международной торговли. Делегация страны оратора

просит Специального докладчика рассмотреть и проанализировать мнения государств по этому вопросу в качестве основы для формулирования надлежащих предложений.

21. Делегация Индии поддерживает решение Комиссии включить в свою программу работы темы «Охрана окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» и «Охрана атмосферы», которые являются своевременными. Делегация понимает осторожный подход Комиссии к рассмотрению последней темы, особенно в связи с вопросами, которых не следует касаться, и поддерживает ее в том, что результатом работы по данной теме будет проект руководящих положений, а не конвенция. Делегация страны оратора также с интересом относится к предложению г-на Шона Мерфи по теме «Преступления против человечности». Принимая во внимание существующие международные механизмы, которые уже занимаются данным вопросом, включая Международный уголовный суд, целесообразно провести глубокое исследование и подробное обсуждение вопроса о необходимости для Комиссии вести работу по этой теме.

22. В заключение оратор хотела бы поздравить Комиссию с успешным проведением сорок девятой сессии Семинара по международному праву. Индия внесла свой вклад в целевой фонд Семинара, который способствовал повышению уровня профессиональной подготовки нескольких поколений успешных молодых юристов, строящих свои карьеры в области международного права, образования, дипломатии или на государственной службе в своих странах.

23. **Г-н Синхасени** (Таиланд), выступая по теме «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», говорит, что делегация его страны поддерживает мнение о том, что последующее соглашение является аутентичным изъяснением воли сторон. Такое соглашение должно иметь аналогичное название с соглашением, которое является предметом толкования, поскольку оно представляет собой соглашение, касающееся интерпретации договора или применения его положений. Последующие соглашения могут иметь любую форму, которую выберут стороны исходного договора.

24. Делегация Таиланда хотела бы зарезервировать свою позицию в отношении точности высказы-

ваний, которые приводятся в пункте 6 комментария к проекту вывода 3. Договорные условия, упомянутые в сопроводительных сносках 92–95, изложены судьей Гийомом в своем заявлении в деле *Спор, касающийся судоходных и смежных прав (Коста-Рика против Никарагуа)*, которое отражает личную точку зрения судьи и необязательно отражает решения соответствующих судов и трибуналов. Делегация страны оратора также хотела бы зарезервировать свою позицию в отношении точности ссылки на термин «водораздел», который Комиссия включила в текст ссылки 92, хотя об этом не упоминается в заявлении судьи. Что касается пунктов 2 и 3 проекта вывода 4, то делегация Таиланда надеется получить на более позднем этапе работы по этой теме разъяснения относительно оснований для выбора слова «поведение» как части определения понятия последующей практики. В связи с пунктом 2 проекта вывода 5 делегация страны оратора была бы благодарна за дополнительные разъяснения относительно поведения негосударственных субъектов, которое может быть релевантным при оценке последующей практики участников договора. Для того чтобы такое поведение было признано релевантным, было бы целесообразно продемонстрировать с определенной степенью точности, что оно не вступает с противоречием с тем, как государства-участники намерены толковать договор.

25. Касаясь темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», оратор говорит, что Таиланд предоставляет иммунитет от уголовной юрисдикции лицам, указанным в Венской конвенции о дипломатических сношениях и Венской конвенции о консульских сношениях, участником которых он является. Таиланд также предоставляет иммунитет лицам, на которых распространяются соглашения принимающей страны с Таиландом и межправительственными организациями. Кроме того, суды Таиланда не имели опыта рассмотрения дел, касающихся должностных лиц иностранных государств. Таиланд не является участником Конвенции о специальных миссиях. Таким образом, делегация страны оратора хотела бы зарезервировать свою позицию относительно работы Комиссии по этой теме до более позднего этапа обсуждения, когда она сможет составить мнение о том, является ли результатом этой работы достижение надлежащего баланса между наделением иммунитетом должностных лиц государства от ино-

странной уголовной юрисдикции и предотвращением безнаказанности этих должностных лиц.

26. Учитывая то, что термин «должностное лицо» может иметь разные определения во внутреннем законодательстве разных государств, Комиссии следует осторожно подойти к выбору правильного определения термина с надлежащим учетом практики государств. Что касается иммунитета *ratione personae*, то делегация Таиланда считает, что иммунитет, которым пользуются главы государств, главы правительств и министры иностранных дел в соответствии с проектом статьи 3, не является предметом для обсуждения. Данный иммунитет был давно признан Международным Судом и, как говорится в пункте 2 комментария к проекту статьи 4, необходим этим должностным лицам в связи с их особым статусом двуединой представительской и функциональной связи с государством в сфере международных отношений. Что касается иммунитета *ratione materiae*, то делегация страны оратора хотела бы подчеркнуть, что международное право должно признавать иммунитет, предоставленный в соответствии с внутренним законодательством государства представителям государственной власти или сотрудникам правоохранительных органов в отношении действий, предпринятых ими в целях поддержания правопорядка, но без намерения нарушать права человека.

27. Что касается новой темы «Охрана атмосферы», то, принимая во внимание условия, связанные с ее включением в программу работы Комиссии, делегации Таиланда хотелось бы знать, что остается для работы Комиссии в этой области, что могло быть полезно для международного сообщества. Вместе с тем в последние месяцы международное сообщество выражает обеспокоенность в связи с защитой личной информации в трансграничном потоке данных, вопрос о которой включен в долгосрочную программу работы Комиссии с 2006 года. Делегация страны оратора хотела бы предложить Комиссии рассмотреть последнюю тему на своей следующей сессии.

28. **Г-жа Боланьо Прада** (Куба), касаясь темы «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», говорит, что в связи с толкованием международных договоров необходимо в совокупности рассматривать положения статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров. Важно не нарушить венский

режим, отражающий обычаи. Делегация Кубы считает, что толкование договоров с течением времени должно носить эволюционный характер в сочетании с комплексным использованием разных средств толкования, не отдавая предпочтение какому-либо определенному средству по сравнению с другими средствами. Важным аспектом толкования договоров является намерение сторон в отношении применения и толкования договора. Несомненно, невозможно проанализировать толкование договоров, не принимая во внимание атмосферу, в которой стороны заключали их.

29. Делегация страны оратора одобряет работу Комиссии по теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» и поддерживает любую инициативу, направленную на разъяснение содержания и сохранение священного режима иммунитета должностных лиц государства в соответствии с международными конвенциями и принципами международного права. Работа по этой теме должна способствовать укреплению принципов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций и в других источниках международного права, особенно принципов в отношении суверенитета всех государств. Комиссии следует стремиться кодифицировать существующие правила международного права и избегать опасной тенденции к включению в обычное право исключений в отношении предоставления иммунитета. никоим образом принцип универсальной юрисдикции или обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование не должны применяться в отношении должностных лиц, пользующихся иммунитетом. В решении вопроса о том, какие высокопоставленные должностные лица должны получать иммунитет, Комиссия должна надлежащим образом учитывать положения внутреннего законодательства по этому аспекту.

30. Делегация Кубы не может согласиться с любыми изменениями режима иммунитета, установленного в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях, Венской конвенцией о консульских сношениях и Конвенцией о специальных миссиях, которые вместе с принципами международного права представляют собой руководящие правила по этому вопросу. Кубинские законы исключают безнаказанность тех, кто несет ответственность за нарушения международного права и преступления против человечности. Необходимо

уважать как существующие правила международного права в отношении иммунитета должностных лиц государства, так и национальное законодательство по этому вопросу.

31. Делегация страны оратора одобряет то внимание, которое Комиссия уделяет важной теме «Формирование и доказательство существования международного обычного права» и предоставляла информацию о доказательствах, существующих в кубинском законодательстве. В этой связи оратор хотела бы привлечь внимание к важной роли пункта 1 статьи 38 Статута Международного Суда, в котором определены источники международного права, включая международные обычаи, указанные в подпункте (b). При выявлении и изучении обычаев как источника международного права необходимо учитывать два элемента — практику государства и *opinio juris*.

32. В течение многих лет Куба проявляла глубокое уважение к международному праву и выражала поддержку работе Комиссии по международному праву. Страна призывает государства-члены позаботиться о том, чтобы важная работа Комиссии приносила свои плоды, давая жизнь новым международным конвенциям, которые, несомненно, внесут позитивный вклад в наведение порядка в текущих международных отношениях, обеспечении выполнения международных обязательств и уважения в отношениях между всеми государствами-членами.

33. **Г-жа Рахман** (Малайзия), указывая на то, что предполагаемым итогом будущей работы Комиссии по теме «Преступления против человечности» должен стать проект статей, говорит, что делегация ее страны хотела бы получить разъяснения относительно необходимости заключения конвенции по этому вопросу, особенно учитывая то, что Римский статут Международного Суда, сторонами которого стали 122 страны, также включает положения о преступлениях против человечности. Работа Комиссии по этой теме не должна нарушать преднамеренную универсальность Римского статута или дублировать существующие режимы, а скорее дополнять их. Что касается темы «Охрана атмосферы», то оратор обращает внимание на ограничения, установленные Комиссией в отношении своей работы по этой теме, и хотела бы подчеркнуть важность соблюдения этих параметров. В частности, чтобы эта работа велась таким образом, чтобы не мешать текущим переговорам, в том числе по вопросам из-

менения климата, разрушения озонового слоя и трансграничного загрязнения воздуха на большие расстояния.

34. Что касается темы «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», то делегация Малайзии отмечает, что проекты выводов 1 и 2 нацелены на закрепление общих аспектов правовой базы в отношении толкования договоров. Делегация страны оратора понимает важность этих проектов выводов в качестве руководства для толкования договоров при условии, что они подтверждают правила толкования договоров, содержащиеся в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, и закрепляют правовой статус этих правил. Что касается проекта вывода 3, то, учитывая, что международные суды и трибуналы по-разному относятся к эволюционному подходу к толкованию договоров, делегация Малайзии считает, что необходимо проявлять осторожность в определении предполагаемого намерения сторон при заключении договоров, чтобы избежать отхода или отступления от буквы и духа договора.

35. Что касается определений, данных в проекте вывода 4, то, несомненно, полезно четкое разъяснение разницы между определениями «последующая практика» и «другая последующая практика» по смыслу статьи 31, пункт 3(b), и статьи 32 Венской конвенции. Однако делегация страны оратора хотела бы получить дополнительные разъяснения относительно оснований для принятия поведения одной стороны в качестве последующей практики по смыслу статьи 32 и адекватности такой последующей практики как дополнительного средства толкования договоров в поддержку статьи 31. В отношении проекта вывода 5 делегация Малайзии обращает внимание на утверждение о том, что только поведение, которое может быть присвоено какому-либо участнику договора, может считаться последующей практикой, релевантной толкованию договора. Исходя из понимания того, что формулировка «при оценке последующей практики участников договора» используется в пункте 2 в широком смысле и охватывает идентификацию существования последующей практики и определение ее юридического значения, оратор выражает сомнения в целесообразности включения негосударственных субъектов, особенно в тех случаях, когда данное поведение не может быть присвоено какому-либо участнику договора.

36. Делегация Малайзии по-прежнему придерживается мнения, что работу по теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» следует сосредоточить на вопросе об иммунитетах, предоставляемых в соответствии с положениями международного права, в частности обычного международного права, и в соответствии с внутренним законодательством. Нет необходимости в том, чтобы пересматривать ранее кодифицированные вопросы, такие как иммунитеты дипломатических представителей, консульских чиновников, членов специальных миссий и представителей государств в международных организациях. В проекте статьи 1 определены параметры для рассмотрения темы и подготовки проекта статей с учетом проблем, с которыми, как правило, сталкиваются государства на практике при решении вопроса об иммунитете должностных лиц государства от уголовной юрисдикции. Делегация страны оратора полностью поддерживает установление этих параметров, чтобы с самого начала четко определить границы охвата этой темы.

37. Определение термина «должностное лицо» должно охватывать всех должностных лиц государства. Объектом рассмотрения, особенно при определении иммунитета *ratione materiae*, будет любое должностное лицо, которое работает на контрактной основе и на которое будет распространяться это определение, если оно выполняет функции должностного лица государства. Несомненно, определение не должно включать дипломатических представителей, консульских сотрудников, членов специальных миссий, представителей государств в международных организациях или любую категорию должностных лиц, которые уже находятся в сфере применения существующих правовых режимов. Аналогичным образом, в связи с пунктом 2 проекта статьи 1 из сферы применения статей по этой теме следует исключить иммунитеты от уголовной юрисдикции, признаваемые в рамках дипломатических и/или консульских сношений либо в рамках специальной миссии или во время или в связи с таковой, иммунитеты, предусматриваемые соглашениями о местонахождении штаб-квартир либо договорами, регулирующими деятельность дипломатического представительства при международных организациях или устанавливающими привилегии и иммунитеты международных организаций и их служащих и агентов, и иммунитеты, которые могут устанавливаться в силу иных специальных междуна-

родных договоров, поскольку они уже являются установленными областями права и, следовательно, должны рассматриваться отдельно. Следует также исключить любые прочие иммунитеты, которые в одностороннем порядке одно государство может предоставлять должностным лицам третьего государства, в частности если эти лица находятся на его территории.

38. Делегация Малайзии указывала на то, чтобы были исключены определения терминов «уголовная юрисдикция», «иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции», «иммунитет *ratione personae*» и «иммунитет *ratione materiae*», предложенные Специальным докладчиком в ее втором докладе (A/CN.4/661). Как считает оратор, определения этих терминов могут быть пересмотрены на более позднем этапе. Что касается проекта статьи 3, то вопрос о возможном расширении списка лиц, пользующихся иммунитетом *ratione personae*, поднимался рядом членов в свете эволюции международных сношений, в частности в связи с тем фактом, что иные высокопоставленные должностные лица, помимо глав государств, глав правительств и министров иностранных дел, все чаще участвуют в международных форумах. Ряд членов ссылались на дело *Order на арест*, чтобы подкрепить свою точку зрения относительно того, что иных высокопоставленных должностных лиц следует включить в проект статьи 3. Делегация страны оратора придерживается той позиции, что иммунитетом *ratione personae* должна пользоваться только так называемая «тройка», то есть глава государства, глава правительства и министр иностранных дел страны. Делегация не может поддержать предложения о распространении иммунитета на других должностных лиц без каких-либо веских оснований. В то же время следует определить категории лиц, которые могут считаться главами государств и главами правительств. Оратор предлагает включить в определение суверенных правителей, которые действуют в качестве глав государств, как, например, в Малайзии, где это король. Помимо короля, в соответствии с Федеральной конституцией Малайзии, иммунитет от уголовных и гражданских мер воздействия предоставляется правителям государственного уровня.

39. В связи с материальной сферой применения иммунитета *ratione personae* Специальный докладчик в своем втором докладе (A/CN.4/661) подтвердила, что иммунитет распространяется на все дей-

ствия частного или официального характера, совершенные во время осуществления официальных полномочий данного должностного лица. Таким образом, иммунитет *ratione personae* определяется как «полный иммунитет», который применяется к любому действию, осуществленному любыми должностными лицами, упомянутыми в проекте статьи 3. Это определение отражает практику государств. Что касается утверждения Специального докладчика о том, что международная юрисдикция рассматривает такой иммунитет как «полный», «всеобъемлющий», «совершенный», «целостный» или «абсолютный» иммунитет для того, чтобы показать, что он применяется в отношении любого лица, которое пользуется иммунитетом, то делегация Малайзии считает, что необходимо провести всесторонний анализ возможных исключений в предоставлении иммунитета. Например, необходимо изучить вопрос об иммунитете глав государств в связи со случаями совершения международных преступлений, который обсуждался в последние годы. Необходимо также продолжить изучение взаимосвязи между иммунитетом и безнаказанностью в связи с совершением тяжких преступлений с точки зрения соответствия положениям международного права, таких как пытки и геноцид. Это является важным аспектом иммунитета государства, который нельзя отодвигать на задний план.

40. **Г-жа Топф-Мазех** (Израиль), касаясь темы «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», говорит, что в связи с вопросом о присвоении государству договорной практики и сферы применения релевантной практики государства, делегация ее страны отдает предпочтение концепции, согласно которой государству может быть присвоено любое поведение, если оно осуществляется или считается приемлемым органами государства-участника, ответственность которых за применение договора признается на международном и национальном уровнях. Что касается практики других субъектов, отраженной в докладах международных или неправительственных организаций, то, по мнению делегации Израиля, следует со всей осторожностью подходить к оценке надежности таких организаций и достоверности их докладов.

41. Что касается темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», делегация страны оратора исходит из по-

нимания того, что термин «уголовная юрисдикция», представленный в части первой проекта статей, включает любые действия властей, которые могут препятствовать должностному лицу выполнять свои обязанности, и любые налагающие обязательства на должностное лицо или бывшее должностное лицо в связи с деятельностью в рамках осуществления своих официальных полномочий. Как отмечал Международный Суд, эти действия властей включают акты, подвергающие данное должностное лицо риску стать объектом судебного разбирательства.

42. Что касается части второй, то позиция Международного Суда по делу *Ордер на арест* получила общее признание как отражающая сферу применения иммунитета *ratione personae* в соответствии с положениями международного обычного права. Следовательно, состав группы высокопоставленных должностных лиц государства, которые пользуются иммунитетом *ratione personae*, не ограничивается тремя категориями («тройкой»). Часть вторую не следует формулировать таким образом, чтобы появилась возможность для непреднамеренного неправильного представления или толкования ее с точки зрения ограничения сферы применения личного иммунитета, как это в настоящее время происходит в международном обычном праве. Если принимаются используемые Судом всеобъемлющие формулировки, то в нее следует внести уточнения, например добавить в начале проекта статьи 3 формулировку «высокопоставленные должностные лица государства, такие как». Такой подход позволит не только отражать действующее международное обычное право, но и учитывать изменения в ходе международных сношений, в частности тот факт, что старшие должностные лица государства, не входящие в «тройку», часто представляют свои страны на международных форумах в соответствующих областях своей деятельности и, как правило, для выполнения своих обязанностей должны выезжать за границу. И наконец, несмотря на то что в пункте 2 проекта статьи 4 под термином “acts” (действия) подразумеваются как действия, так и бездействие, целесообразно внести четкое положение о том, что иммунитет охватывает «все действия и бездействие», чтобы исключить любые сомнения и способствовать гармонизации формулировок проекта статьи с другими юридическими текстами.

43. **Г-жа Заболоцкая** (Российская Федерация) говорит, что тема «Иммунитет должностных лиц го-

сударства от иностранной уголовной юрисдикции» в настоящее время является одной из ключевых тем повестки дня работы Комиссии. Принятие в предварительном порядке проекта четырех статей с комментарием стало небольшим, но важным шагом на пути продвижения вперед. Не следует проявлять поспешность в работе по этой теме. Это сложный и неоднозначный вопрос, и необходимо, чтобы Комиссия крайне тщательно подошла к его разработке. Комиссии следует продолжать действовать на основе опыта предыдущей работы Секретариата и бывшего Специального докладчика. Это подход, которого придерживается нынешний Специальный докладчик и который поддерживает делегация Российской Федерации.

44. Осторожный и взвешенный подход необходим и для рассмотрения этой темы с точки зрения кодификации или прогрессивного развития. Предпринимая любые шаги по теме *de lege ferenda*, следует проявлять крайнюю осторожность и начинать работу с кодификации существующих норм международного права, а затем, если появятся «серые зоны» или недостаточно урегулированные вопросы, можно будет переходить к прогрессивному развитию на основе достигнутого консенсуса. Делегация страны оратора полагает, что данный подход уже пользуется значительной поддержкой среди членов Шестого комитета. К сферам, в которых может быть целесообразно прогрессивное развитие, относятся процедурные аспекты предоставления или отмены иммунитета и смежные вопросы. Делегация Российской Федерации считает, что пока еще не созрели условия для прогрессивного развития права по существенным аспектам иммунитета. Например, она не видит в международном праве никаких оснований для того, чтобы сделать вывод о наличии исключений в предоставлении иммунитетов должностным лицам государства.

45. В связи с этим вызывает некоторую обеспокоенность содержащийся во втором докладе Специального докладчика (A/CN.4/661) комментарий относительно принципов и ценностей международного права, соответствующих этой теме. Проведение параллелей с этими принципами и ценностями лишь затруднит усилия Комиссии, направленные на тщательную подготовку четкого документа по этой теме. Эта тема не должна охватывать вопрос об иммунитете от международной уголовной юрисдикции. Существуют принципиальные различия в от-

ношении используемого принципа. Иммуниет от иностранной юрисдикции вытекает из принципа суверенитета государств, и для применения данной юрисдикции, как правило, требуется согласие государства, которое представляет должностное лицо. В случае международной юрисдикции государства добровольно соглашаются, преимущественно в рамках международного договора, принять такую юрисдикцию и соблюдать соответствующие правила, касающиеся иммунитета. В зависимости от дела эти правила могут варьироваться. В ряде случаев это предусматривает осуществление решений Совета Безопасности, что едва ли связано с установлением иммунитета как такового. Делегация Российской Федерации не согласна с идеей проведения различия между иммунитетом *ratione personae* и иммунитетом *ratione materiae*. Разница между ними получила широкое признание в доктрине и отражена в юридической практике.

46. Что касается проекта статей, то делегация страны оратора в принципе согласна с содержанием проекта статьи 1. В связи с термином «должностное лицо», который, как указала Комиссия, станет предметом дальнейшего рассмотрения, особенно важно определить, что понимается под термином «должностное лицо государства» в контексте иммунитета *ratione materiae*, однако делегация Российской Федерации считает, что данное определение также необходимо в контексте иммунитета *ratione personae*, особенно если будет решено не составлять ограниченный список лиц, пользующихся таким иммунитетом, что, как представляется, будет верным подходом. В связи с этим целесообразно сделать акцент на официальном представительстве *ex officio* интересов государства. В целом в пункте 2 проекта статьи 1 задано правильное направление. Вместе с тем определение термина «уголовная юрисдикция», предложенное в пункте 5 комментария к проекту статьи 1, является слишком рестриктивным и должно охватывать меры принудительного характера.

47. Было бы также полезно, если бы Комиссия привела конкретные примеры правовых актов, которые можно рассматривать как нарушение иммунитета. Делегация Российской Федерации разделяет мнение, изложенное в пункте 8 комментария к статье 1, о том, что иммунитет от иностранной уголовной юрисдикции является, строго говоря, процессуальным препятствием для осуществления уголовной юрисдикции государства в отношении должно-

стных лиц другого государства, но не должно освобождать это лицо от ответственности. В комментарии также следует упомянуть о позиции, занимаемой Международным Судом по делу *Юрисдикционные иммунитеты государства (Германия против Италии: вступление в дело Греции)*, в частности что отсутствие альтернативного средства не должно служить препятствием для осуществления иммунитета.

48. Что касается проекта статьи 3, то было бы важно не отказываться от идеи изучения вопроса о том, можно ли применять личный иммунитет в отношении иных лиц помимо «тройки», мнения, которое согласуется с мнением Международного Суда по делу *Ордер на арест* и с практикой государств. Если Комиссия будет подходить к этому вопросу с данной точки зрения, то это позволит ей надлежащим образом отреагировать на текущую ситуацию в мире, признав, что основные международные функции, включая представительство государства в сфере международных сношений, необязательно осуществляются исключительно представителями «тройки». В связи с этим, вместо того, чтобы составлять ограничительный список, целесообразно установить критерии для определения в дополнение к «тройке» узкого круга лиц, пользующихся иммунитетом *ratione personae*.

49. Делегация Российской Федерации внимательно изучила комментарий к проекту статьи 3, особенно пункты 8–12, и склонна полагать, что формулировка «такие как» в контексте применения к лицам, включенным в «тройку» в решении по делу *Ордер на арест*, означает, что в соответствии с международным правом должно существовать неограниченный список. На основании в том числе решения по этому делу и недавнего решения Международного Суда по делу *Некоторые вопросы взаимной правовой помощи по уголовным делам (Джибути против Франции)* международное право присваивает иммунитет *ratione personae* по меньшей мере представителям «тройки», но не только им. В зависимости от обстоятельств другие высокопоставленные должностные лица могут также отвечать критериям для предоставления иммунитета. В комментарии приводятся примеры из национальной практики, которые подтверждают, что распространение иммунитета на другие должностные лица возможно и действительно целесообразно. Например, иммунитет был распространен на министров

обороны в решении по делу *генерала Шауля Мофазы* в Соединенном Королевстве. Практика, которая приводится в качестве контраргумента в ссылке 285, по мнению делегации Российской Федерации, не подтверждает, что список должностных лиц, пользующихся иммунитетом, закрыт или ограничен, поскольку упомянутые в ссылке дела касаются гражданской юрисдикции, непризнанных глав государств или глав субъектов федеративных государств, то есть вопросов, не связанных с данной темой.

50. В 2005 году в решении по делу *Евгений Адамов против Федерального управления юстиции* (Швейцария), которое также упоминается в сноске 285, Правительство Российской Федерации попыталось доказать, что бывший министр по атомной энергии пользуется иммунитетом от ранее действовавшей уголовной юрисдикции. Однако вопрос об иммунитете *ratione personae* в смысле проекта статьи 3 не был признан, поскольку на момент судебного разбирательства г-н Адамов перестал быть министром, а иммунитет *ratione personae* может распространяться только на действующих должностных лиц государства. В решении Федерального суда Швейцарии от 22 декабря 2005 года не представлен вывод о существовании или отсутствии иммунитета в связи с делом г-на Адамова, что оставляет этот вопрос открытым. Решение по делу принималось на основе приоритетности просьбы Российской Федерации о выдаче, а не на основании норм применения иммунитета, и г-ну Адамову не был предоставлен иммунитет и не было отказано в его предоставлении. В свете этого решения делегация страны оратора не убеждена в том, что вывод, содержащийся в пункте 12 комментария к проекту статьи, обоснован, в частности, иные высокопоставленные должностные лица не пользуются иммунитетом *ratione personae* для целей проекта статей. Оратор также предлагает Комиссии еще раз рассмотреть этот вопрос.

51. В целом делегация Российской Федерации поддерживает проект статьи 4. Комиссия добилась значительного прогресса в разработке этой темы во время ее сессии в 2013 году. Ей следует продолжать работу над оставшимися проектами статей на основе практики государств и Международного Суда, в максимально полном объеме используя работу предыдущих Специальных докладчиков.

52. Касаясь темы «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», оратор говорит о важности того, чтобы любые рекомендации, подготовленные Комиссией, следовали букве и духу Венской конвенции о праве международных договоров. Необходимо, чтобы выводы Комиссии отражали главную цель толкования договоров, которая, согласно комментарию к проекту статей о праве международных договоров, заключается в том, чтобы прояснить смысл содержания текста. Как отмечал Международный Суд в своем рекомендательном мнении о компетенции Генеральной Ассамблеи в связи с принятием в Организацию Объединенных Наций от 1950 года, «если соответствующие слова в своем исходном и обычном значении имеют смысл в окружающем их контексте, то вопрос можно считать решенным». Кроме того, необходимо провести более четкое различие между общими и дополнительными правилами толкования, отраженными в статьях 31 и 32 Венской конвенции.

53. Проект вывода 3 имеет огромную практическую ценность. Эта статья предусматривает осторожный подход к эволюционному толкованию договорных условий, чтобы предотвратить опасность выхода за рамки буквы и духа договора или исходного намерения государств-участников. Делегация Российской Федерации полностью поддерживает такой подход. Она также согласна с выводом Комиссии о том, что последующая практика, предусмотренная в статьях 31 и 32 Венской конвенции, может состоять только из поведения, которое может быть присвоено какому-либо участнику договора в силу международного права. Что касается релевантности поведения негосударственных субъектов, то делегация страны оратора хотела бы предложить более ограничительную формулировку. В данном контексте если неправительственная или международная организация сообщает о практике государств в определенных областях, то значение имеют не собственно сообщения, а реакция государств на эти сообщения.

54. Хотя на данный момент Комиссия постановила не затрагивать положения статьи 33 Венской конвенции, касающейся толкования договоров, аутентичность текста которых была установлена на двух или нескольких языках, об этой статье не следует забывать. Могут возникать вопросы относительно взаимоотношений между последующим соглашением

ем и текстом договора на разных языках. Кроме того, последующее соглашение или последующая практика, предусмотренные в пункте 3 статьи 31 Венской конвенции, может стать результатом ликвидации различий в смысле контекста договора на разных языках, которые были эксплицитно или имплицитно согласованы сторонами.

55. Что касается новых тем, включенных в программу работы Комиссии, то делегация Российской Федерации по-прежнему выражает сомнение относительно идеи разработки темы «Охрана атмосферы». С одной стороны, ограничения, установленные в сфере охвата темы, не уменьшат проблемы, которые могут возникнуть в ходе ее рассмотрения, а с другой — эти ограничения сужают предмет изучения до таких масштабов, что изучение этой темы может потерять всякий смысл. Проблема охраны атмосферы — это сложная проблема, которая охватывает нормы международного экологического права и другие области международного права. Ведется работа в каждой из этих областей в целях устранения пробелов и создания гибких правовых норм, включая некоторые из тех, которые Комиссия указала в качестве неприемлемых для рассмотрения в рамках этой тематики. Попытки кодификации в этих областях неизбежно будут мешать происходящим процессам и нарушать их целостность. Таким образом, делегация страны оратора считает нецелесообразным продолжать работу по этой теме.

56. Что касается темы «Преступления против человечности», то международное обычное право дает достаточно четкое понимание того, что представляют собой эти преступления. Это понимание отражено в Уставе и решении Нюрнбергского трибунала и подтверждено в резолюции 95(I) Генеральной Ассамблеи. Преступления против человечности — это также преступления по смыслу международного гуманитарного права, как это указано в Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям. Кроме того, Статут Международного уголовного суда включает определение этих преступлений. В связи с этим делегация Российской Федерации хотела бы знать, какой цели будет служить подготовка нового документа о преступлениях против человечности и как он будет связан с существующими нормами обычного и договорного права.

57. **Г-н Хуан Хуэйкан** (Китай), говорит, что делегация его страны удовлетворена прогрессом, достигнутым Комиссией во время ее плодотворной ше-

стьдесят пятой сессии, и предоставит информацию государства по различным рассматриваемым пунктам. Делегация Китая призывает Комиссию укреплять взаимодействие и сотрудничество в области международного права с другими органами и оптимизировать методы работы и повышать ее эффективность. При выборе новых тем Комиссии следует более тщательно учитывать потребности международного сообщества, уделять больше внимания мнениям Шестого комитета о ее работе, определять приоритетные темы, рассмотрение которых позволит международному сообществу получить практическое руководство к действиям, с осторожностью относиться к включению в программу работы чисто научных и технических тем и продолжать играть важную роль в кодификации и прогрессивном развитии международного права.

58. Что касается темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», то Специальный докладчик осторожно подошел к разработке предложений *de lege ferenda* и провел углубленный анализ общих вопросов, таких как методика и концепции, а также важный аспект иммунитета *ratione personae*. Предлагаемый проект статей является исчерпывающим и отличается четкой логикой и беспристрастностью. Специальный докладчик верно определил охват темы — иммунитет должностных лиц государства от уголовной юрисдикции другого государства, тем самым исключив иммунитет должностных лиц государства от юрисдикции международных уголовных трибуналов и иммунитет таких должностных лиц, как дипломатические представители и консульские сотрудники, на которых распространяются специальные правила.

59. Хотя в международном сообществе существует общее понимание того, что главы государств, главы правительств и министры иностранных дел обладают иммунитетом *ratione personae*, международная практика не исключает возможность предоставления личного иммунитета иным высокопоставленным должностным лицам. Международный Суд в своем решении по делу *Ордер на арест* никоим образом не ограничивал предоставление иммунитета представителям так называемой «тройки». В некоторых национальных юрисдикциях данный иммунитет предоставляется иным высокопоставленным должностным лицам, в том числе министрам торговли и обороны, и заявления членов Коми-

тета во время шестьдесят седьмой сессии свидетельствовали о том, что правительства многих стран непредвзято подходят к решению вопроса о том, следует ли предоставлять личный иммунитет иным чиновникам помимо тех, кто входит в «тройку».

60. На предыдущей сессии делегация Китая акцентировала внимание на том, что тема «Охрана атмосферы» не подходит для включения в программу работы Комиссии, поскольку она является высокотехнологичной и уже включена во многие действующие конвенции. Чтобы развеять беспокойство различных государств, эта тема была добавлена на условиях, изложенных в пункте 168 доклада Комиссии (A/68/10). Делегация страны оратора по-прежнему осторожно относится к включению этой темы в программу работы и будет следить за ее развитием.

61. Что касается новой темы «Преступления против человечности», то, учитывая ее сложность и чувствительность, Комиссии следует с должной осмотрительностью подходить к ее рассмотрению и избегать каких-либо predetermined результатов до того, как между государствами будет достигнут широкий консенсус.

62. **Г-н Алимудин** (Индонезия) говорит, что в результате работы Комиссии по теме «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров» будут выработаны ценные для толкования договоров руководящие указания и контрольные ориентиры. Делегация Индонезии согласна с общей идеей проекта пяти выводов, принятых Комиссией в предварительном порядке. В связи с проектом вывода 1 делегация хотела бы подчеркнуть важность статей 31 и 32 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, которая предусматривает общие правила и дополнительные средства толкования договоров. Она разделяет мнение о том, что толкование договора представляет собой единую операцию, при которой не допускается иерархический подход к применению средств толкования. Фактически решения различных международных судов и трибуналов не приводят к выработке какой-либо установленной и неизменной модели использования различных средств или элементов толкования договоров.

63. Делегация страны оратора поддерживает проект вывода 3 и согласна с тем, что последующее со-

глашение и последующая практика как средства толкования договора могут помочь в решении вопроса об адекватности эволюционного толкования какого-либо конкретного термина. Тем не менее следует осторожно подходить к использованию эволюционного толкования. Международными судами и трибуналами признавалось, что заключение договора отвечает интересам сторон на момент его заключения и с течением времени.

64. По мнению делегации Индонезии, при эволюционном толковании договоров следует придерживаться трех принципов. Во-первых, необходимо сохранить стабильность договора. Эволюционное толкование положений договора не должно быть настолько широким, чтобы это приводило к изменениям или противоречиям в понимании обычного значения терминов договора в их контексте и в свете целей и задач договора. Во-вторых, между сторонами должно быть достигнуто явное согласие в случае заключения последующих соглашений и молчаливое понимание в случае принятия последующей практики. В-третьих, в случае многосторонних договоров в основе эволюционного толкования должно лежать соглашение или общее понимание, достигнутое между всеми государствами — участниками договора.

65. Что касается проекта вывода 5, то делегация страны оратора согласна с тем, что последующую практику негосударственных субъектов следует понимать в широком смысле. Она служит лишь сопутствующим фактором при рассмотрении государствами-участниками вопроса о существовании последующей практики в отношениях между сторонами данного договора.

66. Касаясь темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», оратор говорит, что делегация Индонезии понимает, что определенные вопросы являются чувствительными, в частности вопросы, касающиеся исключений в предоставлении иммунитета. Однако, прежде чем приступать к обсуждению исключений, необходимо рассмотреть и понять базовую концепцию, принципы и правила предоставления иммунитета, в отношении которых могут применяться исключения. Делегация страны оратора надеется, что Комиссия продолжит изучение и детальное обсуждение этого вопроса, но хотела бы предостеречь о том, что эти обсуждения не должны проводиться таким образом, чтобы это могло предопределить

исход проходящих в Комиссии обсуждений вопроса об охвате и сфере применения принципа общей юрисдикции.

67. Одним из самых важных разделов проекта статей является вопрос об иммунитете *ratione personae*. Как отражено в международном обычном праве, этим иммунитетом обладают исключительно главы государств, главы правительств и министры иностранных дел. По мнению делегации Индонезии, на данном этапе в практике и международном праве отсутствуют достаточные основания для распространения иммунитета *ratione personae* на иных высокопоставленных должностных лиц помимо представителей «тройки». Кроме того, это не будет способствовать продвижению обсуждения этого вопроса, поскольку акцент будет смещен на определение критериев отбора иных высокопоставленных должностных лиц, которые должны иметь право на данный иммунитет, вместо того, чтобы продолжать обсуждать более важные существенные вопросы. Также надо учитывать, что сфера полномочий и функций конкретных высокопоставленных должностных лиц будет разной в зависимости от организационной структуры конкретной страны и решений, принятых на национальном уровне.

68. Делегация страны оратора поддерживает проект статьи 4, согласно которой главы государств, главы правительств и министры иностранных дел обладают личным иммунитетом исключительно в течение срока своих полномочий. Таким образом, эти лица будут нести личную ответственность за любые действия, совершенные до вступления в должность или после окончания срока полномочий, и больше не будут иметь право на защиту, предусмотренную иммунитетом *ratione personae*.

69. Делегация Индонезии одобряет включение в программу работы Комиссии новых тем «Охрана окружающей среды в связи с вооруженными конфликтами» и «Охрана атмосферы», обращая внимание на то, что охват работы по последней теме был определен. В целях оказания содействия работе Комиссии по вопросам международного права крайне важно продолжать способствовать еще более тесному и интенсивному взаимодействию между Комиссией и Шестым комитетом.

70. **Г-н Гариби** (Исламская Республика Иран) говорит, что первый доклад Специального докладчика по теме «Последующие соглашения и последующая

практика в связи с толкованием договоров» пролил свет на концептуальную метаморфозу, произошедшую за многие годы после появления темы «Договоры сквозь призму времени» в 2008 году. Работа, которая первоначально планировалась как изучение последующей практики государств — участников договоров с целью определения критериев для установления такой практики, все больше смещалась в сторону толкования договоров. Наглядным доказательством этой тенденции служит проект выводов, представленный Специальным докладчиком. Нынешний подход можно охарактеризовать скорее как «динамичное» или «эволюционное» толкование договоров, чем как статичное толкование, то есть с применением методов, изложенных в статьях 31 и 32 Венской конвенции 1969 года, направленное на определение намерений сторон в момент заключения договора. В этом подходе преобладает временной компонент.

71. Несмотря на включенные в проект выводов ссылки на толкование договоров в соответствии с Венской конвенцией, тем не менее складывается впечатление, что Комиссии не удалось учесть этот временной компонент. По мнению делегации страны оратора, Комиссии необходимо стремиться выявить намерения государств — участников договора, которые могут лежать в основе или выходить за рамки фактических положений договора. Вопрос заключается не только в том, чтобы определить, какие факторы могли повлиять на то, что некоторые государства-участники игнорируют или модифицируют определенные положения договора. Это называется «последующей практикой», которую не следует путать с толкованием договоров. В мандат Комиссии входит определение условий, при которых такую последующую практику некоторых государств-участников можно считать установленной с согласия других участников договора, что, таким образом, приводит к упразднению или серьезному изменению положений договора. Это отличается от толкования договора, когда значение или сфера охвата нечетко сформулированы или могут по-разному толковаться, что приводит к разным результатам.

72. В комментариях к проекту выводов содержится много ссылок на негосударственные субъекты, что приводит к некоторой путанице в понимании роли, которую эти субъекты могут играть в формировании международного обычного права посред-

ством влияния, которое они могут оказывать на практику ряда государств и их решение относительно применения договора в узком и широком смысле. Это вопрос, который выходит за рамки сферы охвата темы.

73. Государству-участнику можно предписать действовать в соответствии с последующей, в том числе «социальной», практикой негосударственных субъектов, идущей вразрез с четкими положениями договора. Но расчет на то, что, как нечто само собой разумеющееся, эта последующая практика может быть подкреплена согласием других государств — участников договора, несомненно является нарушением договорных обязательств этого государства в отношении других государств — участников договора. Едва ли можно исключить возможность того, что политика, а не практика некоторых негосударственных субъектов, может влиять на ряд государств и вынуждать их применять положения определенных договоров иным образом по сравнению с тем, что предусмотрено в собственно договоре. В связи с этим делегация Исламской Республики Иран предпочла бы, чтобы Комиссия действовала в строгом соответствии с изначальным мандатом и воздерживалась от придания более широкого смысла теме по сравнению с первоначальными намерениями Комиссии и общего состава членов Организации.

74. Тему «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции» не следует рассматривать исключительно с точки зрения кодификации. С правовой и практической точек зрения целесообразно формулировать положения *de lege ferenda*, надлежащим образом учитывая потребности, возникающие в международных сношениях государств. Внимание международного сообщества заслуживает ключевой аспект — бенефициары иммунитета *ratione personae*. Международным правом общепризнано и бесспорно установлено, что главы государств, главы правительств и министры иностранных дел считаются представителями государства исключительно в силу функций, которые они осуществляют, и нет необходимости в том, чтобы соответствующее государство придавало им специальные полномочия. Они пользуются этим иммунитетом на правомерных и законных основаниях, поскольку, находясь за пределами территории своих государств, они должны иметь возможность свободно и беспрепятственно осуществлять свои

функции. Однако в современных условиях на иных старших должностных лиц государства, помимо представителей так называемой «тройки», как правило, возлагаются полномочия представлять свои государства в сфере межгосударственных отношений и участвовать в международных форумах, которые проводятся за пределами их национальной территории. Эта относительно новая, но развивающаяся модель международной дипломатии заслуживает особого внимания и нуждается в гарантированной защите в силу международного права.

75. Правовая практика и юриспруденция все большего числа государств свидетельствует о том, что такие должностные лица государства регулярно наделяются иммунитетом *ratione personae* на время выполнения официальных миссий. Многие государства высказываются в пользу этого более широкого подхода, приводя, в частности, в качестве примера дело *Ордер на арест*. Таким образом, складывается четкая тенденция в пользу расширения сферы применения иммунитета правительственных должностных лиц, министров юстиции и председателей национальных парламентов во время выполнения ими аналогичных функций представителей «тройки» в составе официальных миссий за границей, хотя данный иммунитет носит временный и ограниченный характер в течение периода осуществления ими официальных функций. В работе по этой теме Комиссии целесообразно руководствоваться существующими правилами международного права и юриспруденцией Международного Суда, а также учитывать потребности в области развития эффективных и стабильных международных отношений.

76. **Г-н Оч** (Монголия) говорит, что, принимая во внимание существующее в мире разнообразие правовых систем, кодификация международного права посредством систематизации практики государств, прецедентов и доктрин является невероятно трудной задачей, о чем свидетельствует работа, которую Комиссия проводила в течение предыдущих 65 лет. Эта работа имела значительное воздействие на правовые дела государств в области успешного применения национальными и международными судами проектов статей, выводов и конвенций по многим важным вопросам.

77. Что касается темы «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров», то международные суды и трибуналы продемонстрировали гибкий подход к толкованию

договорных условий и положений в свете последующей практики. Как считает делегация Монголии, проект выводов и последующее изучение конкретных аспектов будут способствовать применению соответствующих положений Венской конвенции о праве международных договоров и, таким образом, послужат полезным руководством для толкования договоров. Однако проект выводов не должен отступать от общих правил Венской конвенции.

78. Важной и сложной представляется тема «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», охватывающая такие вопросы, как сфера применения иммунитета *ratione personae*, определение термина «иностранный уголовная юрисдикция», характер действий должностных лиц государства и степень тяжести преступлений. Исходя из этого, делегация страны оратора выступает за осторожный и тщательный подход к рассмотрению этой темы, в котором будут учтены задачи в области борьбы с безнаказанностью и принцип общей юрисдикции.

79. Делегация Монголии поддерживает включение в долгосрочную программу работы Комиссии новой темы «Преступления против человечности». Она также приветствует усилия, направленные на совершенствование методов работы Комиссии. Правительство страны оратора готово расширять взаимодействие с Комиссией, в частности по темам, касающимся Монголии, и укреплять сотрудничество с государствами-членами в области прогрессивного развития международного права.

80. **Г-жа О'Брайен** (Австралия) говорит, что работа Комиссии по теме «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров» крайне полезна и служит руководством для государств и международных организаций. Делегация страны оратора призывает Комиссию продолжить рассмотрение проблем, возникающих в связи с принятием последующих соглашений, а также с установлением последующей практики, касающейся многосторонних конвенций. В частности, крайне полезно было бы рассмотрение процедурных требований к принятию толковательных резолюций, учитывая широкий спектр различных мнений по этому вопросу.

81. Что касается темы «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», то делегация Австралии хотела бы под-

черкнуть процедурный характер иммунитета и сделать акцент на том, что не следует приравнивать иммунитет к безнаказанности. Оратора воодушевляют усилия Комиссии, направленные на достижение надлежащего баланса в вопросах, касающихся временного характера и материального охвата личного иммунитета. Обеспечение такого баланса должно стать ключевым принципом в процессе дальнейшей разработки проекта статей о иммунитете *ratione personae* и иммунитете *ratione materiae*. Государства придерживаются разных мнений относительно категорий должностных лиц государства, наделенных иммунитетом от иностранной уголовной юрисдикции, и сферы применения этого иммунитета, и, исходя из этого, делегация Австралии приветствует решимость Комиссии продолжить рассмотрение значения конкретных терминов, в том числе терминов «должностные лица» и «действия, совершенные в официальном качестве». Этот подход мог бы способствовать внесению большей ясности и устранению путаницы. Необходимо, чтобы Комиссия изучила возможность определения термина «должностные лица» в рамках проекта статей.

82. Принимая во внимание политическую деликатность этой темы, необходимо осторожно и взвешенно подойти к разработке новых принципов. К вопросам, которые следует рассмотреть в ходе дальнейшей работы по этой теме, относятся постоянная необходимость в обеспечении баланса между мерами защиты, предоставляемыми иммунитетом, и предотвращением безнаказанности за наиболее тяжкие преступления и нарушения прав человека, связи между ответственностью государства и иммунитетом и эксплицитно или имплицитно согласованная приостановка действия иммунитета с учетом доводов, которые периодически выдвигаются в связи с толкованием положений договоров в области прав человека с точки зрения приостановки действия иммунитета. Необходимо внимательно изучить правовую базу таких доводов в качестве вопроса о толковании договоров.

83. **Г-н Нольте** (Специальный докладчик по теме «Последующие соглашения и последующая практика в связи с толкованием договоров») говорит, что комментарий по теме «Последующие соглашения и последующая практика» был конструктивным и, как он считает, в целом полезным, включая разделы, содержащие ряд конкретных критических замечаний. На него произвели благоприятное впечатление

высокое качество формулировок и многочисленные критические замечания, которые будут полезны для дальнейшей работы по этой теме. Как представляется оратору, живость обсуждения свидетельствует о правильности принятого решения изменить формат работы по этой теме, чтобы государства могли следить за работой и влиять на ее ход. Он надеется, что по мере продолжения работы все делегации убедятся в том, что изменение формата не подразумевает расширение охвата темы, а скорее концентрирует внимание на том, что планировалось изначально.

84. Пока еще не пришло время отвечать на поставленные конкретные вопросы, но, пожалуй, было бы уместно сделать несколько общих замечаний. Действительно, цель работы по этой теме не заключается в том, чтобы внести изменения в правила, предусмотренные Венской конвенцией, а скорее в том, чтобы их тщательно проработать. Также надо признать, что первый проект пяти выводов носит скорее общий характер. Однако за этим должны последовать более конкретные выводы, например о роли практики международных организаций и договорных органов и об условиях, при которых соглашение о толковании любого положения договора становится закрепленной последующей практикой. Как понимает оратор, большинство делегаций признают, что итогом работы должен стать проект выводов с комментарием, и он надеется, что полезность такого подхода станет более очевидной для тех, кто проявлял в этом отношении скептицизм.

85. Обсуждение доклада Комиссии вновь продемонстрировало надежность процедур взаимодействия между Комиссией и Шестым комитетом. Хотя эти процедуры могут казаться обременительными, они служат делу создания прочного фундамента для подготовки продуктов Комиссии. Комиссия — это орган, который призван служить интересам международного сообщества, подготавливая проекты статей и выводов в условиях относительной — но не полной — независимости и при участии Шестого комитета и на основе взаимодействия с ним. Обратная связь, установленная в ходе текущего обсуждения, будет служить руководством для проведения дальнейших обсуждений и позволит Специальному докладчику и Комиссии получить общее представление о заданном направлении, которое они попытаются претворить в жизнь в конкретных текстах. Таким образом, обсуждение также будет слу-

жить основой для будущих докладов и обсуждений в рамках работы Комиссии.

86. **Г-жа Эскобар Эрнандес** (Специальный докладчик по теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции») говорит, что Комиссии действительно важно услышать мнения членов Шестого комитета о своей работе и обеспечить постоянное взаимодействие между Комиссией и Комитетом. Оратор с особым вниманием отнеслась к комментарию Комитета по теме «Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции», который в полной мере свидетельствует о важности, которую придают этому вопросу государства, учитывая его практические последствия в контексте международных отношений. Ее подход к этой теме отражает этот практический аспект.

87. Оратор с удовлетворением отметила, что общее признание получили различия между иммунитетом *ratione personae* и иммунитетом *ratione materiae*, в том числе в отношении установления дифференцированного подхода к его нормативным компонентам. Ряд ораторов отмечали, что две категории иммунитета имеют общие характеристики, в частности тот факт, что оба иммунитета связаны с сохранением суверенитета государства и поддержанием стабильных международных отношений, а также тот факт, что обе категории включают ярко выраженный функциональный компонент. Этот общий компонент нашел свое отражение в двух подготовленных оратором докладах и будет учитываться в дальнейшем. Вопросы, касающиеся ограничений и исключений в связи с использованием иммунитета, будут рассмотрены, как только будут определены нормативные компоненты, присущие двум категориям иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции. Однако можно утверждать, что на данном этапе существуют явные различия в положении представителей государства самого высокого уровня, то есть глав государств, глав правительств и министров иностранных дел, и положением иных должностных лиц и представителей государства как на национальном уровне, так и в сфере международных отношений, и, следовательно, они должны регулироваться разными режимами предоставления иммунитета от уголовной юрисдикции.

88. В связи с этим значительное количество выступавших во время обсуждения делегатов совершенно справедливо указывали на необходимость

точного определения термина «должностное лицо». Оратор разделяет эту обеспокоенность и намерена рассмотреть этот вопрос в своем третьем докладе в контексте определения нормативных компонентов иммунитета *ratione materiae*, поскольку в этом контексте концепция «должностное лицо» особенно актуальна. Определение этого понятия также напрямую связано с определением понятий «официальное действие» и «действие, совершенное в официальном качестве», то есть только с теми действиями, которые охватывает иммунитет *ratione materiae*. Хотя на данный момент было бы нецелесообразно вступать в терминологические дискуссии, вопрос о терминологии, как отмечали ряд ораторов, не относится к разряду второстепенных аспектов.

89. Оратор также с удовлетворением отметила, что признание иммунитета *ratione personae* глав государств, глав правительств и министров иностранных дел не вызвало возражений ни одной делегации. В связи с этим оратор выражает признательность южноафриканской делегации за разъяснение своей позиции по этому вопросу. Ряд делегатов высказали мнение о том, что Комиссии следует рассмотреть возможность распространения режима иммунитета *ratione personae* на иных высокопоставленных должностных лиц государства, в частности на прочих членов кабинета, на том основании, что они участвуют в международных отношениях. С другой стороны, значительное число ораторов выступили в поддержку ограниченного предоставления иммунитета только членам так называемой «тройки», чтобы избежать дальнейшего расширения института иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции, что налагает ограничение на полномочия государства.

90. Комиссия приняла к сведению эти разные точки зрения и сочла, что проект статьи 3 адекватно отражает положение, существующее в современном международном праве. Комиссия также решила, что текст проекта статьи 3 не подразумевает исключение иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции для иных высокопоставленных должностных лиц государства, на которых могут распространяться правила, действующие в связи с применением иммунитета *ratione materiae*, или правил, применяемых в отношении лиц, относящихся к специальным миссиям, в случае поездок в официальном качестве.

91. Ряд делегаций подняли вопрос об ограничениях и/или исключениях в предоставлении иммунитета от иностранной уголовной юрисдикции, включая иммунитет *ratione personae* и иммунитет *tu ratione materiae*, в частности в связи с международными преступлениями и борьбой с безнаказанностью, а также в связи с эволюцией международного уголовного права. Оратор рассмотрит этот вопрос в будущих докладах после того, как в проекте соответствующих статей будут определены нормативные компоненты двух категорий иммунитета. В настоящее время она хотела бы отметить, что, как указано в комментариях, в принятом на данный момент проекте статей отсутствует какая-либо позиция по вопросу об ограничении и исключении в отношении иммунитета.

92. И наконец, что касается роли международных уголовных судов и их потенциального взаимодействия с национальными уголовными судами в вопросах трактовки данной темы в соответствии с четкой установкой в программе работы Комиссии, то в сферу охвата темы и проекта статей не включен иммунитет от юрисдикции международных уголовных судов. Вместе с тем, как справедливо отмечали разные члены Комиссии, а также несколько делегаций, участвовавших в работе Комитета, эта тема и международная уголовная юрисдикция связаны между собой, и этот вопрос необходимо рассмотреть, чтобы исключить противоречия в осуществлении Комиссией своей функции в области кодификации и прогрессивного развития международного права.

93. Следующий доклад Специального докладчика будет посвящен в основном анализу иммунитета *ratione materiae*, и она надеется получить информацию по этому вопросу, которую государства-члены могут пожелать предоставить в ответ на просьбу, содержащуюся в главе III доклада Комиссии.

94. **Г-н Нихаус** (Председатель Комиссии международного права), представляя главу IV доклада Комиссии о работе шестьдесят третьей сессии (A/66/10 и A/66/10/Add.1), говорит, что Комиссия завершила свою работу по теме «Оговорки к международным договорам» во время шестьдесят третьей сессии в 2011 году, приняв окончательный вариант Руководства по практике в отношении оговорок к международным договорам (A/66/10/Add.1) и направив Генеральной Ассамблее рекомендацию относительно механизмов содействия в связи с оговорками к договорам. Принятие Руководства по

практике стало кульминацией длительного процесса, в течение которого было представлено 17 докладов и одна записка, подготовленные Специальным докладчиком по этой теме г-ном Аленом Пелле, которому Комиссия приносит благодарность за преданность делу и неутомимые усилия, направленные на разработку Руководства. Комиссия постановила рекомендовать Генеральной Ассамблее принять к сведению Руководство по практике и обеспечить его максимально широкое распространение. Работу над подготовкой Руководства завершила рабочая группа под руководством г-на Марсело Васкес-Бермудеса, которая пересмотрела текст, принятый в предварительном порядке в 2010 году на основании изменений, предложенных Специальным докладчиком в свете устных и письменных замечаний по этой теме, представленных государствами за весь период начиная с 1995 года. Рабочая группа также согласовала окончательную редакцию выводов в отношении диалога об оговорках, содержащихся в приложении к Руководству, на основе проекта, включенного в добавление к семнадцатому докладу Специального докладчика (A/CN.4/647/Add.1).

95. Как говорится во введении к Руководству по практике, его цель состоит в оказании помощи специалистам-практикам в области международного права, часто сталкивающимся с непростыми проблемами с оговорками и заявлениями о толковании положений договоров. Задача Руководства не только в том, чтобы помочь читателю разобраться в практике прошлых лет в этой области, но и в том, чтобы подтолкнуть пользователя к отысканию решений, которые согласовывались бы с действующими правилами или представлялись бы наиболее подходящими для прогрессивного развития таких правил. Руководство по практике содержит пять частей и приложение в отношении диалога об оговорках. В части I Руководства даются определения, которые, как указано в руководящем положении 1.8 (Сфера применения определений), не предрешают вопроса о действительности и юридических последствиях таких заявлений согласно применимым к ним правилам. Несмотря на внесенные редакционные изменения языкового и технического характера, проведение окончательный текст определений, по сути, остается таким же, как текст варианта документа, принятого в предварительном порядке в 2010 году.

96. Определение, данное в руководящем положении 1.1, представляет собой сводный текст определений, фигурирующих в Венских конвенциях 1969, 1978 и 1986 годов, в который не было внесено никаких изменений, но включает, как указано в пункте 2, применимые во всех случаях оговорки, которые являются общепризнанной практикой и направлены на исключение или изменение юридического действия определенных положений договора в целом в отношении конкретных аспектов в их применении к автору, который формулирует оговорки. Руководящее положение 1.1 сопровождают дополнительные руководящие положения, в которых приводятся примеры заявлений, сделанных в одностороннем порядке, которые представляют собой оговорки. В части 1 также дается определение термина «заявление о толковании» (руководящие положения 1.2 и 1.2.1) и изложены критерии установления различий между оговорками и заявлениями о толковании, руководящие положения 1.3 и 1.3.3). В руководящем положении 1.4 дано определение условного заявления о толковании как одностороннего заявления, посредством которого его автор ставит свое согласие на обязательность договора в зависимости от оговоренного толкования договора или определенных его положений. Это руководящее положение отражает вывод Комиссии о том, что на условные заявления о толковании распространяются правила, применимые к оговоркам. Таким образом, все иные содержащиеся в варианте 2010 года руководящие положения, непосредственно касающиеся таких заявлений, были аннулированы. Согласно руководящему положению 1.5 односторонние заявления, которые не являются оговорками или заявлениями о толковании, не входят в сферу охвата настоящего Руководства по практике.

97. Руководящие положения, изложенные в разделе 1.6, касаются односторонних заявлений в связи с двусторонними договорами. В руководящем положении 1.6.1 («Оговорки» к двусторонним договорам) говорится, что до вступления в силу двустороннего договора одностороннее заявление с целью добиться от другой стороны изменения положений договора, не является оговоркой по смыслу настоящего Руководства по практике, а в руководящем положении 1.6.2 (Заявления о толковании в связи с двусторонними договорами) указывается, что руководящие положения 1.2 и 1.4 применяются к заявлениям о толковании, касающимся как многосторонних, так и двусторонних договоров. В руково-

дующем положении 1.6.3 подчеркивается, что толкование, которое вытекает из заявления о толковании двустороннего договора, сделанного одним участником этого договора, и с которым согласился другой его участник, является аутентичным толкованием этого договора. Руководящее положение 1.7 касается возможных альтернатив оговоркам и заявлениям о толковании.

98. Руководящие положения, представленные в части 2 (Процедуры), охватывают вопросы, касающиеся формы оговорок и заявлений о толковании, а также процедур, которые следует использовать в отношении их, их отмены или модификации и реакции на них. В основном они совпадают с положениями варианта, принятого в предварительном порядке в 2010 году, за исключением ряда редакционных и технических изменений и исключения некоторых руководящих положений и типовых статей, основные компоненты которых отражены в комментарии. В частности, Комиссия исключила существовавшее ранее руководящее положение 2.1.8 относительно процедур на тот случай, если оговорка является явно недействительной в связи с возражениями ряда правительств по поводу того, что она налагает на депозитария обязательства, выходящие за рамки функций, которые признаются Венской конвенцией. Комиссия также решила добавить руководящее положение 2.3.2, в котором говорится, что возражение против поздно сформулированной оговорки должно быть сформулировано в течение 12 месяцев с даты принятия в соответствии с руководящим положением 2.3.1 позднего формулирования оговорки. Кроме того, Комиссия пересмотрела определение возражений против оговорки в руководящем положении 2.6.1, чтобы учесть разнообразные последствия, которые может произвести предполагаемое возражение.

99. Часть 3 Руководства посвящена определению условий действительности оговорок к договорам и заявлений о толковании. В связи с этим хотелось бы напомнить, что Комиссия решила использовать термин "permissibility" (материальная действительность) вместо термина "validity" (действительность), который используется в других разделах Руководства для обозначения как материальных, так и формальных требований к определению действительности. Материально действительные оговорки рассматриваются в руководящих положениях 3.1–3.1.5.7. Руководящее положение 3.1 отражает усло-

вия, определенные в статье 19 Венских конвенций 1969 и 1986 годов. В остальных положениях разъясняются критерии определения материальной действительности оговорок и приводятся примеры типов оговорок, в отношении материальной действительности которых чаще всего у государств возникают разные мнения. Формулировка в руководящем положении 3.1.5.6 «Оговорки к договорам, содержащим комплекс взаимозависимых прав и обязанностей» была изменена, и теперь она включает содержание ранее существовавшего положения 3.1.12 об оговорках к общим договорам в области прав человека, хотя и не содержит конкретных ссылок на такие договоры, а скорее отражает более общий подход к определению совместимости с объектом и целью договора, признавая взаимосвязанность, которая может существовать между многочисленными правами и обязательствами, содержащимися в договоре. Руководящие положения 3.2–3.2.5 касаются оценки материальной действительности оговорок, сформулированных договаривающимися государствами или договаривающимися организациями, органами по урегулированию споров и наблюдательными договорными органами.

100. Раздел 3.3 охватывает последствия материальной недействительности оговорки. В руководящем положении 3.3.1 устанавливается единообразие правил, относящихся к материальной недействительности оговорки, какой бы ни была причина такой недействительности. В руководящем положении 3.3.2 говорится, что формулирование материально недействительной оговорки имеет свои последствия в рамках права договоров и не влечет международной ответственности государства или международной организации, которые ее сформулировали, а в руководящем положении 3.3.3 подчеркивается, что принятие материально недействительной оговорки договаривающимся государством или договаривающейся организацией не затрагивает материальной недействительности оговорки. Ранее действовавшее руководящее положение 3.3.3 (Последствия коллективного принятия материально недействительной оговорки) было исключено в связи с негативной реакцией ряда правительств и обеспокоенностью, выраженной Комитетом по правам человека.

101. Раздел 3.4 посвящен материальной действительности реакций на оговорки. Руководящее положение 3.4.1 гласит, что никакое условие материаль-

ной действительности на принятие оговорки не распространяется. Что касается возражений против оговорок, то руководящее положение 3.4.2 определяет условия материальной действительности исключительно в отношении весьма конкретной категории возражений, которые имеют промежуточный эффект и посредством которых автор возражения желает исключить в своих отношениях с автором оговорки применение положений договора, не затрагиваемых оговоркой. По мнению Комиссии, такие возражения являются материально действительными только в том случае, если исключаемые таким образом положения имеют достаточную связь с положениями, которые затрагиваются оговоркой, и возражение не лишает договор объекта и цели в отношениях между автором оговорки и автором возражения. Учитывая то, что руководящее положение 3.4.2 в большей степени носит характер прогрессивного развития, а не кодификации в строгом смысле, Комиссия решила, что в связи с термином «достаточная связь» существуют основания для разъяснения, которые могут вытекать из будущей практики.

102. В руководящем положении 3.5 устанавливается право формулировать заявление о толковании, если только заявление о толковании не запрещено договором; в руководящем положении 3.5.1 говорится, что, если одностороннее заявление, которое выглядит как заявление о толковании, в сущности представляет собой оговорку, его материальная действительность должна оцениваться в соответствии с правилами руководящих положений. Руководящее положение 3.6 гласит, что одобрение, реакции на заявления о толковании не подчиняются никаким условиям материальной действительности.

103. Положения части 4 «Юридические последствия оговорок и заявлений о толковании» сформулированы с учетом основополагающих различий между, с одной стороны, оговорок, которые считаются действительными в соответствии с руководящими положениями, содержащимися в части 2 Руководства, и материально действительными в соответствии с положениями, изложенными в части 3, и, с другой стороны, оговорок, которые являются материально недействительными, охваченными в разделе 4.5 Руководства. Руководящее положение 4.1 касается «вступления в действие» оговорки, то есть концепции, представленной во вступительном абзаце пункта 1 статьи 21 Венских конвенций 1969 и

1986 годов, которая считается релевантной в целях определения последствий оговорки. В руководящем положении изложены общие условия вступления в действие оговорки, сформулированной договаривающимся государством или договаривающейся организацией, в частности, она должна быть материально действительной и сформулированной в соответствии с установленной формой и процедурами, и договаривающееся государство или договаривающаяся организация должны принять ее. В руководящих положениях 4.1.1–4.1.3 рассматриваются три конкретных случая: вступление в действие оговорки, прямо разрешаемой договором; вступление в действие оговорки к договору, который должен применяться комплексно; и вступление в действие оговорки к учредительному акту международной организации.

104. В разделе 4.2 разъясняются последствия оговорок, вступивших в действие по смыслу раздела 4.1. В руководящих положениях 4.2.1–4.2.3 рассматриваются последствия действующей оговорки с точки зрения статуса автора оговорки как договаривающегося государства или договаривающейся организации или стороны договора. Руководящее положение 4.2.2 касается последствий действующей оговорки для вступления договора в силу. Первый пункт сформулирован на основании правила, предусмотренного в пункте 4(с) статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, и гласит, что, в случае когда договор еще не вступил в силу, автор оговорки включается в число договаривающихся государств или договаривающихся организаций, требуемое для вступления договора в силу, как только оговорка становится действующей; а во втором пункте говорится, что автор оговорки может быть включен в число договаривающихся государств или договаривающихся организаций до того, как оговорка станет действующей, если против этого не выступает ни одно договаривающееся государство или ни одна договаривающаяся организация. Цель последнего пункта состоит в том, чтобы привлечь внимание — не вынося решения о преимуществах — то, что представляется преобладающей практикой в работе доверенных лиц, в том числе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций.

105. Первый пункт руководящего положения 4.2.4 отражает правило, содержащееся в пункте 1(а) статьи 21 Венских конвенций 1969 и 1986 годов; вто-

рой и третий пункты устанавливают последствия действующих оговорок для договорных отношений и проводят различия между оговорками, которые исключают юридическое действие определенных положений договора, и оговорками, которые изменяют их действие. В руководящем положении 4.2.4 также устанавливается принцип взаимности в применении оговорки, хотя она может быть предметом исключения, предусмотренного в руководящем положении 4.2.5. Эти исключения могут вытекать из характера обязательств, которых касается оговорка, или объекта и цели договора или содержания собственно оговорки. Руководящее положение 4.2.6, которое не имело аналога в варианте Руководства, принятого в предварительном порядке в 2010 году, устанавливает критерии толкования оговорок.

106. Руководящее положение 4.3 сформулировано с использованием общих терминов и должно рассматриваться в свете руководящих положений 4.3.1–4.3.7. Последствия возражения против действительной оговорки рассматриваются с точки зрения вступления договора в силу и содержания договорных отношений между автором возражения и автором оговорки. Последствия для вступления договора в силу охватывают руководящие положения 4.3.1–4.3.5. Как говорится в руководящем положении 4.3.1, возражение против действительной оговорки не препятствует вступлению договора в силу между автором возражения против оговорки и автором оговорки, за исключением случая, упомянутого в руководящем положении 4.3.5, в котором воспроизводится пункт 4(b) статьи 20 Венских конвенций 1969 и 1986 годов, согласно которому возражение против оговорки препятствует вступлению договора в силу, если автор возражения определенно заявит о таком намерении. Руководящее положение 4.3.6 касается последствий возражения для договорных отношений. В пункте 1 данного положения воспроизводится правило, установленное в пункте 3 статьи 21 Венских конвенций, который гласит, что положения, которых касается оговорка, не применяются между автором оговорки и возражающим государством или возражающей организацией в пределах сферы действия такой оговорки. В пунктах 2 и 3 разъясняется общее правило и поясняются последствия возражения против оговорки, если она имеет целью исключение или изменение юридического действия определенных положений договора, примеры которых приводятся в комментарии. В пункте 4 устанавливается, что все договорные положе-

ния, иные, нежели те, которых касается оговорка, остаются применимыми в отношениях между государством или организацией, являющимися автором оговорки, и государством или организацией, высказавшими возражение против нее.

107. В соответствии с руководящим положением 4.3.8, которое основано на принципе консенсуализма, автор действительной оговорки не обязан соблюдать положения договора без учета своей оговорки. Это положение, таким образом, в случае действительной оговорки исключает возможность возражений с «супермаксимальным эффектом», тем самым обязывая автора оговорки соблюдать положения договора, причем последний не может воспользоваться результатами своей оговорки.

108. Раздел 4.4 касается отсутствия последствий оговорки для внедоговорных прав и обязательств, а именно предусмотренных иными договорами, для прав и обязательств по международному обычному праву и для применения императивной нормы общего международного права (*jus cogens*). Раздел 4.5 посвящен последствиям недействительной оговорки, то есть оговорки, которая не соответствует условиям материальной и формальной действительности, определенным в частях 2 и 3 Руководства. Руководящее положение 4.5.1 устанавливает, что оговорка, которая не соответствует условиям действительности, является ничтожной и поэтому не имеет никакой юридической силы. В пункте 1 положения 4.5.2 разъясняется, что ничтожность недействительной оговорки не зависит от возражения или принятия со стороны договаривающегося государства или договаривающейся организации; а в пункте 2 содержится рекомендация о том, что государству или международной организации, которые считают, что данная оговорка недействительна, следует как можно скорее сформулировать мотивированное возражение против нее.

109. Формулировка руководящего положения 4.5.3, касающегося деликатного вопроса о статусе автора недействительной оговорки в отношении договора, была изменена в окончательном варианте Руководства, чтобы попытаться примирить различные мнения, выраженные правительствами в отношении руководящего положения 4.5.2, включенного в вариант Руководства, принятый в 2010 году. В пункте 1 нового варианта говорится, что статус автора недействительной оговорки в отношении договора зависит от намерения, выраженного автором ого-

ворки, то есть относительно того, намерен ли он считать себя связанным договором без учета оговорки или же он считает себя не связанным договором. В пункте 2 устанавливается допущение, что, если автор недействительной оговорки не выразил противоположного намерения или подобное намерение не было установлено иным образом, он считается договаривающимся государством или договаривающейся организацией без учета оговорки; а пункт 3 предусматривает, что, невзирая на пункты 1 и 2, автор недействительной оговорки может в любое время высказать намерение не быть связанным договором без учета оговорки. В пункте 4 рекомендуется, что, если наблюдательный договорный орган выражает мнение, что оговорка недействительна, и автор оговорки не намерен связывать себя договором без учета оговорки, он должен выразить такое свое намерение в течение 12 месяцев с даты такой оценки наблюдательного договорного органа. В руководящем положении 4.6 содержится напоминание о том, что оговорка не изменяет положений договора для других сторон договора в их отношениях между собой.

110. В разделе 4.7 рассматриваются последствия заявлений о толковании. Его цель состоит в том, чтобы заполнить пробел, существующий в Венских конвенциях, сохранив при этом приверженность логике этих Конвенций, в частности статьям 31 и 32, посвященным толкованию договоров. В руководящем положении 4.7.1 определяется роль заявления о толковании в разъяснении значения терминов, используемых в договоре, и обращается внимание на то, что при толковании договора надлежит учитывать реакцию (одобрение или несогласие) на заявление о толковании. Последствиям изменения или снятия заявления о толковании посвящено руководящее положение 4.7.2, в основе которого лежит идея о том, что, хотя заявление как таковое не создает прав и обязательств для его автора или для других сторон договора, оно может помешать его автору воспользоваться позицией, противоречащей тому, что было им заявлено, во всяком случае если другие стороны полагались на ранее заявленное им толкование. В руководящем положении 4.7.3 подчеркивается, что заявление о толковании, одобренное всеми договаривающимися государствами и договаривающимися организациями, может представлять собой соглашение по вопросу о толковании договора.

111. Текст части 5 (Оговорки, принятие оговорок, возражения против них и заявления о толковании в случае правопреемства государств) в значительной степени остается таким же, как и был в варианте, принятом в предварительном порядке в 2010 году. Положения, содержащиеся в части 5, основаны на гипотезе о том, что вопросы, касающиеся правопреемства государств, регулируются положениями Венской конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 года. В статье 20 этой Конвенции — единственной статье, касающейся оговорок в отношении правопреемства государств — устанавливается допущение, что новое независимое государство будет рассматриваться как сохраняющее любую оговорку, сформулированную государством-предшественником, а также признается, что, делая уведомление о правопреемстве, новое государство может сформулировать свои оговорки. В руководящем положении 5.1.1 (Случай нового независимого государства) воспроизводятся формулировки из статьи 20 Конвенции 1978 года.

112. В руководящем положении 5.1.2 рассматривается случай правопреемства государств, которые не являются новыми независимыми государствами, а скорее продуктом объединения или отделения государств. Комиссия придерживалась того мнения, что, хотя в таких случаях будет использоваться допущение в пользу сохранения оговорок, следует признать право нового государства, возникшего в результате объединения или отделения государств, формулировать оговорки только в том случае, когда правопреемство государства в отношении договора носит добровольный характер. В соответствии с Венской конвенцией 1978 года ничего подобного не предусматривается в отношении договоров, которые на момент правопреемства государств не находились в силе для государства-предшественника и которые в силу статей 31 и 34 Конвенции 1978 года сохранялись в силе для государства-правопреемника. В части 5 Руководства также рассматриваются многие другие вопросы, не охваченные положениями статьи 20 Конвенции 1978, включая реакцию на оговорки (возражения или принятие) в случае правопреемства (разделы 5.2 и 5.3) и конкретные вопросы, касающиеся релевантности определенных оговорок или возражений, территориальной сферы действия оговорок (руководящие положения 5.1.3, 5.1.5 и 5.2.2) и судьбы заявлений о толковании в случае правопреемства государств (руководящее положение 5.5).

113. Приложение «Выводы в отношении диалога об оговорках» содержит пять выводов Комиссии, которым предшествует преамбула и после которых представлена адресованная Генеральной Ассамблее рекомендация призвать государства и международные организации, а также контрольные органы налаживать и поддерживать такой диалог об оговорках прагматичным и прозрачным образом. Кроме того, Комиссия приняла для Генеральной Ассамблеи рекомендацию о механизмах содействия в связи с оговорками, содержащуюся в пункте 73 доклада 2011 года (A/66/10). Цель данного механизма заключается в том, чтобы оказать содействие государствам в разрешении трудностей, с которыми они сталкиваются в связи с формулированием, толкованием, оценкой действительности и введением в действие оговорок и возражений против оговорок. Комиссия предложила создать механизм по оказанию содействия, который мог бы состоять из ограниченного числа экспертов и предусматривать создание в рамках Шестого комитета, а также на региональном и субрегиональном уровнях «наблюдательных органов» по наблюдению за оговорками, которые могли бы вдохновляться примером, существующим в рамках Специального комитета юристов по международному публичному праву (СКЮМПП) Совета Европы.

Пункт 110 повестки дня: Меры по ликвидации международного терроризма (продолжение)
(A/C.6/68/L.13)

Проект резолюции A/C.6/68/L.13: Меры по ликвидации международного терроризма

114. **Г-н Норман** (Канада), представляя от имени Бюро проект резолюции, говорит, что текст проекта включает технические корректировки, отражающие изменения, произошедшие в период со времени проведения в апреле 2013 года заседания Специального комитета, учрежденного в соответствии с резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 года, а также ряд предложенных делегациями несущественных поправок, которые не вызвали возражений. Таким образом, оратор исходит из понимания того, что существует согласованное мнение относительно текста и важности международного сотрудничества в борьбе против такого глобального бедствия, как терроризм.

Заседание закрывается в 13 ч. 10 м.